

В. В. БЕШАНОВ

«Кроваво-Красная» Армия. По чьей вине?

<Фрагменты>

<...>

Особых масштабов военное строительство достигло в ходе второй пятилетки. Если общий промышленный прирост за 1933–1937 годы составил 120%, то в военно-промышленном комплексе — 286%. Доля военных расходов в бюджете страны скакнула с 11,7% до 21%. Около 40% сметы Наркомат обороны тратил на закупку вооружения и техники.

Среднегодовая производительность авиационной промышленности в 1935–1937 годах достигла 3578 самолетов, бронетанковой — 3139 боевых машин (британская армия в 1936 году располагала 375 танками), артиллерийской — 5020. Выпуск винтовок перешагнул за миллион в год. Но и эти цифры не удовлетворяли Военное ведомство, финансирование которого стало настолько щедрым, что деньги не успевали потратить — промышленность не справлялась с заказами. Численность вооруженных сил превысила полтора миллиона человек.

Всеми вопросами вооружения ведал лично товарищ Сталин. Он регулярно вызывал к себе главных конструкторов, директоров заводов, обсуждал характеристики видов вооружения, устанавливал планы выпуска продукции и тут же давал встречные планы. «Без одобрения И. В. Сталина, — свидетельствует маршал Жуков, — ни один образец вооружения или боевой техники не принимался на вооружение и не снимался с вооружения».

Иосиф Виссарионович, обладавший колоссальной памятью, работоспособностью и обширной эрудицией, но при этом сугубо гражданский человек, сам решал, что нужно Красной Армии,

а что нет. Он, конечно, советовался со специалистами, которых, кстати, довольно часто менял. Но решал сам: принять на вооружение данное орудие — снять с вооружения данное орудие, убрать со штурмовика заднего стрелка — посадить на штурмовик заднего стрелка, стереть в лагерную пыль этого конструктора — достать его из-под земли и доверить ответственное правительственное задание.

Вот только за всем разве углядишь! Даже «Военно-исторический журнал» поставил вопрос о «неэффективно истраченных финансовых средствах». О чем это? О том, что в 1934–1936 годах «практически все сходявшие с конвейера танки были устаревшими», на производство металлолома израсходовали почти два миллиарда рублей, «что сопоставимо со всеми расходами на образование в СССР в этот период».

К примеру, за эти три года наклепали более 3600 двухместных плавающих танков Т-37А и Т-38 с лобовой броней 8 мм, двигателем в 40 «лошадей», вооруженных одним 7,62-мм пулеметом (вообще они стояли в производстве с 1933 по 1939 год). Как показал опыт боевых действий в Польше и финской кампании, эти пулеметы на гусеницах тонули охотнее, чем плавали, а на пересеченной местности отставали от пехоты и были «не способны ходить по маломальской грязи». Тем не менее «разведчики», пригодные только к парадным прохождением, состояли на вооружении до 1941 года и сгинули абсолютно без всякой пользы, как не было. Ни один танкист не оставил мемуаров: «Я воевал на Т-37»¹.

Или к чему было в период натуральной революции в военной технике производить 11 000 танков Т-26 с противоположным бронированием? Да просто потому, что масштабы у нас такие — социалистические, страна большая. Вон, Жуков будет жаловаться, что ему не хватает 25 000 танков новейших конструкций, и получит эти танки. Как всякий диктатор, Сталин имел склонность к гигантомании², ему нравились большие пушки, большие корабли, армады танков и самолетов. Он понимал, что для победы всего необходимо много: сто тысяч боевых машин, сто тысяч бомбардировщиков, побольше химического оружия (через четверть века другой «верный ленинец» под бурные аплодисменты будет транжирить деньги бессчетно, пилить корабли, менять пушки на ракеты, откроет и закроет лунный проект; его объявят недоумком, Сталина — гением).

Трудно, однако, в 60 лет при немислимой загруженности разными делами не то что вникнуть, а хотя бы понять суть таких

проблем, как радиолокация, гидроакустика, радиосвязь, криптография, или что за штука такая — деление урана? Но система так была устроена, что думать больше было и некому, и принимать государственные решения никому не позволялось.

Давно стало банальностью изречение — все генералы готовятся к прошедшей войне. На мышление Сталина и большинства советских генералов наложили отпечаток нестандартный опыт Гражданской войны и стереотип классового подхода.

Саму войну Иосиф Виссарионович считал менее сложным делом, чем коллективизация, — главное, досконально подготовиться и правильно расставить кадры. Военных профессионалов он всерьез не воспринимал. Весьма характерна сталинская телеграмма Ленину от 16 июня 1919 года: «Морские специалисты утверждали, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Красной Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

С каждым прошедшим годом уверенность Иосифа Виссарионовича в своих военных дарованиях только крепла. И то сказать, самые прославленные полководцы страны учились у него науке побеждать.

«Я не могу хотя бы вкратце не вспомнить одного из классических уроков, который был дан нам с командной высоты царицынских полей великим стратегом классовых битв товарищем Сталиным», — умилялся маршал А. И. Егоров, сам командовавший фронтами и руководивший проведением стратегических операций. Но куда Егорову до «гиганта мысли»: «Боевые операции, проведенные товарищем Сталиным, неизгладимым уроком стоят в нашем сознании как образцы классического военного искусства эпохи Гражданской войны».

<...>

Смена кадров, приобретающая характер массовых репрессий, вела к тому, что многие руководители вообще переставали думать, ибо всякая инициатива наказуема, в обстановке «дикой охоты» — смертельно опасна. В обществе насаждалась атмосфера страха, парализовавшая волю, приводившая к моральной деградации.

Партийный «генералитет» и партийное «офицерство» впадали в безумие от переполнявших горячий мозг преданности и ужаса.

Кандидат в члены Политбюро П. П. Постышев: «...везде и всюду начал кричать, что нигде нет порядочных людей, что много врагов... Часто Постышев вызывал к себе представителей райкомов, брал лупу и начинал рассматривать ученические тетради. У всех тетрадей оборвали обложки, потому что на обложке в орнаменте Постышев разглядел фашистскую свастику!»

Но ни пролетарское происхождение вкупе с полным отсутствием образования, ни заслуги в коллективизации Украины, ни усердие в проведении Большой чистки Павлу Петровичу не помогут. А с лупой — это он, надо признать, хорошо придумал. Лупой в Советской стране обзаведется каждый секретарь горкома, райкома, парткома; все будут искать и находить — в детских тетрадках, в рисунках тканей, на деньгах (первые советские деньги как раз и печатались со свастикой) — тайные фашистские знаки, нанесенные вездесущей вражеской агентурой. Их бы всех на нелегальную работу в Германию отправить, красные звезды на рейхстаге по ночам малевать.

После каждой очистительной волны «вожди» мельчали, тоньчались шей, становились ниже ростом, скуднее умом. Партийные работники всех уровней составили самый неграмотный слой советской «интеллигенции». Накануне Великой Отечественной войны 70% секретарей районных и городских комитетов партии, а также парткомов организаций и предприятий имели лишь полное или неполное низшее образование. Лидеры уровня союзных и автономных республик, обкомов и крайкомов мало отличались от своих младших единомышленников и поделельников: половина из них имела общее образование в объеме четырех классов начальной школы.

(Начальный период войны в очередной раз подтвердит известную истину: палачи не могут быть защитниками. Драпающие на восток партийные и советские работники станут самыми мобильными «наземными частями», далеко превзойдя пресловутые танковые группы как по скорости, так и по оснащенности транспортом. Они бросят секретные документы, любимые лупы, неблагодарный народ, свои обязанности по проведению мобилизационных мероприятий, но не забудут прихватить жен, любовниц, комоды и фикусы в кадках. Всего лишь несколько примеров, всего лишь за две недели памятного лета 1941 года:

«Руководящие работники Гродненского, Новоград-Волынского, Коростенского, Тернопольского районов в панике бежали задолго до отхода наших частей, причем вместо того, чтобы вывезти материальные ценности, вывозили имеющимся в их распоряжении транспортом личные вещи...»

«В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их немцы бомбами подорвали, а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Лунинец...»

В Витебске за неделю до прихода немцев:

«Облисполком распустил свои отделы. Большинство работников со своими семьями уехали. Райсоветы также не работают и никакого порядка в городе не наводят. Сейчас в Витебске не найдется ни одного учреждения. Которое бы работало. Закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, профсоюзы и т. д. Тревога и паника усилились еще и тем, что в городе стало известно о том, что ответственные работники облорганизации эвакуируют сами свои семьи с имуществом, получив на ж. д. станции самостоятельные вагоны, причем жены этих ответработников из НКВД, облисполкома, парторганов и другие стали самовольно уходить с работы. Так, например, ушли с телеграфа, с телефонной сети, из больниц и других учреждений...»

...председатель Витебского горсовета Азаренко загрузил в приготовленный им грузовик бочку пива, чтобы пьянствовать в дороге, как он обыкновенно это делает в городе у себя на службе...»

«Следует отметить, что ряд работников партийных и советских организаций оставили районы на произвол судьбы, бегут вместе с населением, сея панику. Секретарь РК КП (б) Уи Председатель РКК Хмельницкого района 8.7 покинули район и бежали».

Вместе с населением — сильно сказано. Откуда у населения грузовики и «самостоятельные вагоны»? Население секретарское племя бросило на произвол судьбы.

Они вернутся только через три года, объявят всех оставшихся на оккупированных территориях людьми второго сорта, «подвергшимися воздействию фашизма». И потом пять десятилетий будут распевать о своей «руководящей и направляющей роли», заваливать прилавки макулатурой о подпольных обкомах «в действии» и о том, как «партийный билет делал бойца в два раза сильнее» <...>.

<...> Репрессии и до того не раз сотрясали Красную Армию. В середине 20-х была проведена чистка командного состава и политических

работников, подозреваемых в сочувствии к троцкистской оппозиции. Спустя несколько лет были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров старой армии. В ноябре 1928 года уже 72% красных командиров составили выходцы из рабочих и крестьян. Только с 1 ноября 1929 по 31 декабря 1931 года из армии было изъято 4473 человека кадрового состава и 5600 человек переменного.

Дело не ограничивалось только их увольнением из вооруженных сил. Был сколочен ряд дел о заговоре, по которому осудили более трех тысяч командиров. Волна арестов прокатилась по армии в связи с убийством Кирова. За период с 1 декабря 1934 по 20 января 1935 года только в МВО «за открытое проявление контрреволюционных настроений» было арестовано 43 военнослужащих. Из Военно-политической академии был уволен 131 человек, многие из них затем исключены из партии и арестованы. Бдительные органы никогда не упускали армию из поля зрения, но пик террора пришелся на 1937–1938 годы.

Согласно записке армейского комиссара 2-го ранга Е. А. Щаденко, с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 года из РККА было уволено 21268 военнослужащих, в том числе по политическим мотивам 17413 человек, из них арестовано и осуждено 5329 человек. Таким образом, за этот период вычистили «все-навсего» чуть более 1% от списочной численности вооруженных сил. Зато какой это был «процент»! Никогда террор не касался начальников столь высокого ранга. Во главе троцкистского военного заговора стояли маршал и командующие войсками важнейших округов!

Первой разоблачили, арестовали и расстреляли в июне 1937 года «банду Тухачевского». Маршал Ворошилов еще до суда над «изменниками» секретным приказом довел до личного состава всех рот, эскадронов, батарей и эскадрилий о разоблачении органами НКВД военной фашистской организации, имевшей «стремление ликвидировать Советский Союз и восстановить в СССР ярмо помещиков и капиталистов», готовившей убийства руководителей партии и правительства, продававшей врагам военные тайны, подрывавшей «оборонную мощь нашей Родины».

Дальше все пошло по накатанной колее: «А как только двух-трех сволочей поймает, эти две-три сволочи дадут еще двух-трех сволочей».

<...>

Конечно, можно за три года подготовить новых командующих никак не хуже, чем, к примеру, Дыбенко. А «если завтра война»?

Видимо, Сталин воевать еще не собирался. По наблюдению Константина Симонова, Вождь уже возомнил, что «может планировать историю».

Не повышало боеспособность армии усиление политического надзора, ликвидация единоначалия и восстановление 10 мая 1937 года института военных комиссаров. Но как без них было обойтись, ведь «комиссар — глаза и уши партии и правительства». Чехословацкий атташе полковник Ф. Дастих по этому поводу писал:

«Для меня совершенно нетерпима теория, что в силу особенностей российской психологии и советской системы Красная Армия способна эффективно действовать на основе, неприемлемой для армий других государств. Я внимательно изучил систему политических комиссаров... Она не может означать ничего иного как разделения командных полномочий».

Тем более что кроме наличия чувствительных ушей и зорких глаз во всем остальном комиссары демонстрировали вопиющую безграмотность. В акте о приеме дел Главного управления политической пропаганды новым его начальником осенью 1940 года отмечалось: общеобразовательный уровень политсостава низок: лишь 6,2% имеет высшее образование, а 71,5 — ниже среднего. Это был еще один комплект бдящих с лупами в руках, в военном деле понимавших меньше, чем комиссары Гражданской войны.

<...>

Год 1942 — «учебный»

<Фрагменты>

<...>

Традиционные объяснения неудач 1942 года были предложены еще Сталиным. Главная из них, кроме само собой разумеющегося «превосходства противника», заключалась в том, что: «Предательская политика реакционных правящих кругов США и Англии, срывавших открытие второго фронта в Европе, позволила гитлеровцам сосредоточить к лету 1942 года крупные силы для наступления на советско-германском фронте... Факти-